

Александр Млечко
Волгоградский государственный университет
(Россия)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ» (1920–1940)

«Современные записки», будучи крупнейшим и самым читаемым периодическим изданием эмиграции, со всей необходимостью выступают как «носитель» и продуцент совершенно определенной социально-политической мифологии, при этом мы сочли возможным говорить об «эмигрантском мифе» – системе ментальных представлений русских эмигрантов о своей судьбе как изгнанников и (мета)исторической судьбе потерянной для них России. И то проблемно-тематическое поле, которое представляет собой *русский текст* «Современных записок», *содержательно* наполняется именно «эмигрантским мифом», калькирующим, на наш взгляд, традиционные мифологические циклические структуры (активизация представлений о которых происходит именно в эпохи социального хаоса – крупных кризисов и катаклизмов) и хроно-топически ориентированным на трехчастную структуру классического процесса космогенеза: *Хаос – Космос – Хаос*.

Наиболее крупными системообразующими элементами любого мифа выступают *мифологемы* (или *мифемы*), заслуга вычленения которых принадлежит К. Леви-Стросу. Французский этнограф, используя методы структурной лингвистики в области изучения «языка мифов», прибегает к помощи «эмического» термина для объяснения характера *отношений* между мифологическими элементами: «Каким образом мы можем распознать и выделить эти большие составляющие единицы, или мифемы? Мы знаем, что их нельзя уподобить ни фонемам, ни морфемам, ни семантемам и что они соотносятся с более высоким уровнем: в противном случае миф ничем не отличался бы от любой другой формы высказывания. Придется, видимо, искать их на уровне фразы. <...> Иными словами, каждая большая структурная единица по природе своей есть некое отношение» [2, с. 88].

Позже, когда этот термин стал достоянием «мифологической критики», он стал пониматься более широко, с учетом его конкретного семантического наполнения, – как заимствование у мифа мотива, темы или ее части и дальнейшее их воспроизведение в более поздних литературных образованиях. При всем разнообразии использования этого термина в современной филологической и даже социогуманитарной мысли

неизменным остается учет того, что при этом «мифологические представления... исследуются главным образом в плане их концептуального содержания, основные моменты которого составляют органическое единство» [1, с. 7].

Элементы «эмигрантского мифа» структурируются вокруг трех базовых *мифологем* (со своим универсальным «набором» символических оппозиций), символически репрезентированных внутри трех основных тем, реализуемых в художественном дискурсе «Современных записок» – *дореволюционная Россия; русская революция; эмиграция*. При этом *дореволюционная Россия* вписывается в символическую парадигму мифологемы *Космоса* (с ее положительной и «созидательной» аксиологией), *революционная Россия*, соответственно, – в «деструктивную» мифологему *Хаоса*, *эмигрантское бытие* выступает, как установлено, адекватно мифологемы *Возвращения (Космоса)*.

Основными репрезентантами мифологемы *Космоса* на пространстве русского текста «Современных записок» являются символы *сада* и *дома*, выступающие в качестве символических комплексов, аккумулирующих спасительную и охранительную символику традиционных культур – символика *Центра, мирового древа, золотого века, «взыскуемого» града, утраченного рая* и т. д. Реализация данных репрезентантов проходит в рамках центральной оппозиции сакральное / профанное (истинное / ложное). На страницах «Современных записок» – в рамках дореволюционной тематики – эта символика наиболее широко представлена в романах И. Бунина «Жизнь Арсеньева», И. Шмелева «История любовная», тетралогии Б. Зайцева «Путешествие Глеба» и в рассказах и повестях И. Бунина, «Хождении по мукам» А. Толстого, «Жанете» А. Куприна и др. При этом символическая образность, фундирующая мифопоэтическую структуризацию художественного дискурса, жестко коррелирует с соответствующими идеологическими структурами соседних дискурсов – прежде всего публицистического и исторического (статьи Ф. Степуна, В. Вейдле, Г. Федотова и др.) – и становится транспарентной для прочтения с помощью социологического кода.

Мифологема *Хаоса* реализуется на пространстве русского текста «Современных записок» в парадигме *символики зла*, ведущими репрезентантами которой выступают символы не только русской, но и любой другой революции – *потоп, Страшный суд, Атлантида, Антихрист, ад, Голгофа, кладбище, театр, тюрьма* и другие символы, располагающиеся в рамках оппозиции истинное / ложное (сакральное / профанное).

Эти фундирующие кризисную эпистему образы наиболее полно представлены в тетралогии М. Алданова «Мыслитель», дилогии Д. Мережковского «Рождение богов» – «Мессия» и романах В. Набокова «Приглашение на казнь» и «Отчаяние». При этом наблюдается не только четкий перенос смысловых границ художественных образов на семантическое пространство соседних дискурсов (публицистика М. Вишняка, Г. Федотова, Д. Мережковского и др.), но и внутри самого художественного дискурса мы видим жесткую трансферную структуру – русская революция вписывается в широкий (мета)исторический контекст и сопоставляется с иными культурными прецедентами.

Мифологема *Возвращения* фундирует одну из основных тем не только текстов, напечатанных в «Современных записках», но и русского зарубежья в целом – миссии и судьбы русской эмиграции. Реализация этой темы проходит в рамках символики *убежища* (трилогия М. Алданова «Ключ» – «Бегство» – «Пещера»), символики *памяти и забвения* (роман В. Набокова «Дар»), символики *обрядов перехода* (роман В. Набокова «Подвиг») и *иеротопической* символики (роман Б. Зайцева «Дом в Пасси»). Вне границ художественного дискурса осмысление этой темы (экстраполируемое путем тех же герменевтических трансферных процедур) проходит в философско-публицистических и критических статьях Г. Флоровского, В. Вейдле, Л. Шестова, мемуарных очерках М. Цветаевой, А. Ремизова и др.

Таким образом, несмотря на принципиальную полидискурсивность, полижанровость, идеологическую дискретность текстов, входящих в «Современные записки», со всей определенностью можно говорить об этом журнале как о *едином текстуальном пространстве*, в рамках которого преодолевается неизбежная в случае текста периодического издания смысловая энтропия. Более того, журнал предстает как уникальный феномен, порождающий и аккумулирующий эмигрантскую мифологию, на эпистемологическое поле которой транслируются ментальные – «кризисные» – представления русских эмигрантов о судьбе России и мира.

Литература

1. Горан, В. П. Древнегреческая мифологема судьбы / В. П. Горан. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 335 с.
2. Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: Наука, 1985. – 536 с.